

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 57
(1549)

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Суббота, 11 мая 1963 года

Цена 3 коп.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

- За музыку вдохновляющую, зовущую и на подвиг ратный и на труд
- Университеты культуры и воспитание нового человека
- Побеждает общественное начало

«...Надо писать так, чтоб все могли понимать. Ведь великие идеи, как и высшая красота, сами по себе крайне просты и всякому доступны, если понятно выражены».
(Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ).

ПРОГРЕССИВНАЯ эстетика — идет ли речь об эпохе античности или Возрождения, о периоде просвещения во Франции, или развитии революционно-демократической мысли в России — всегда подчеркивала глубокое воспитательное значение музыки. Эту идею восприняла и развила эстетика социалистического общества. Необходимыми, неотъемлемыми принципами советского музыкального искусства, музыки масс, стали народность и партийность. Отклонения от этих принципов в сторону формализма, декадентства, абстракционизма получают у нас справедливое и всеобщее осуждение.

Встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства — яркое свидетельство возрастающей роли искусства в формировании убеждений и воспитании чувств миллионов советских людей. Именно сейчас, в эпоху развернутого строительства коммунизма, музыка, как никогда, призвана служить народу всем богатейшим арсеналом своих выразительных средств. А для этого она должна быть доступной, понятной широчайшим кругам людей, волновать их умы и сердца.

ТРЕБОВАНИЕ доступности музыки, органически вытекающее из главной задачи советского искусства, тем не менее вызывает кое у кого немало сомнений: а не означает ли, мол, доступность дешевую популярность, потакание низкому вкусу, заигрывание с нетребовательными слушателями? Доступность часто понимают как некое «широпотребное» свойство духовной продукции, полезное, но обезличенное, обиходное, лишенное лучших качеств подлинного искусства. Иногда сказать или написать о доступности того или иного произведения — значит бросить на него тень серости и уныния. Такое произведение немедленно зачисляется «знатоками» в разряд музыки, звучащей только как некий «фон» нашего быта, музыки, к которой можно лишь небрежно прислушиваться, не отвлекаясь от своих дел. Сказываются еще старые «теории» двух музык: «высокой», предназначенной якобы для будущего и понятной только «избранным», и «низкой», доступной для масс.

Между тем самые большие музыканты мира всегда мечтали и мечтают о том, чтобы быть понятыми широчайшими массами. Завоевать признание народа — вот высочайшая цель композитора. Эту цель сознавали и неустанно декларировали Бетховен, Мусоргский, Чайковский, Прокофьев. «Бетховен же — только и думал об истории и всем человечестве, как одной огромной массе. Это — Шекспир масс». (В. Стасов). Путь к этой цели бывает и трудным, и мучительным. Это не боковые тропинки минутной популярности и не асфальтированные дорожки дешевого успеха. Подняться к доступности композитор может только величайшим напряжением всех своих духовных сил и таланта. Именно подняться, а не снизить!

Достаточно побывать в концертных залах, на лекциях о музыке, в аудиториях народных университетов, почитать письма слушателей, чтобы прийти к неопровержимому выводу: советские люди неизмеримо выросли и удовлетворить их музыкальные запросы — дело необычайно сложное.

К МИЛЛИОНАМ СЕРДЕЦ

У нас печатается много статей и брошюр на темы: «Что такое музыка», «Как слушать музыку». Слов нет, они приносят свою пользу. Но естественно, что вызывать интерес к музыке лучше всего может сама музыка. Систематические и частые концерты в областных городах, районных центрах, на селе, сопровождаемые умным словом лектора (вспомним великолепные беседы о музыке Луначарского, Соллертинского!), граммпластинки в миллионных тиражах с отличным исполнением талантливых произведений (может быть, даже в исторической последовательности) — все это значительно больше способствовало бы музыкальному просвещению, чем общие призывы и советы. Воспринимать музыку всем сердцем, всей душой, искать в ней пищу для раздумий — к этому наш слушатель подготовлен. Так стоит ли так скрупулезно дозировать его музыкальную диету? «Учите играть и петь», — пишет Н. А. Римский-Корсаков, — и не закрывайте остального от желающих им воспользоваться, и все будет достигнуто».

ТЕПЕРЕШНИЙ слушатель приходит в музыку (если он к ней расположен) как хозяин, как участник творчества, а не только как потребитель. Он ищет в музыке себя, свое поколение, свою революционную эпоху. Именно такой слушатель предъявляет к музыке свои требования и прежде всего требование доступности. А доступно ему все, что отмечено подлинным талантом, жизненностью, глубиной содержания, блеском мастерства. Наш слушатель «открывал» в московских залах Вана Клиберна, аплодировал в Воронежской области на концертах Д. Шостаковича, с глубоким интересом слушал в цехах Горьковского автозавода сложные, содержательные произведения современных советских и зарубежных композиторов, радовался в Ярославле и Владивостоке авторским концертам А. Хачатуряна, Д. Кабалевского, Т. Хренникова. Лучшие из программ, составляемых радиослушателями, на редкость содержательны и обнаруживают глубокое знание музыкальной литературы.

Из всего этого не следует, конечно, что не нужно воспитывать музыкальные вкусы. Важно понять, что строительство нашей музыкальной культуры невозможно без активного творческого участия самих слушателей, без постоянного учета их потребностей и мнений.

Назрела необходимость систематической публикации в прессе наиболее содержательных рецензий «рядовых» слушателей, и не исключено, что такие рецензии будут в каких-то случаях более заинтересованными и объективными, чем даже статьи критиков-профессионалов. Стоило бы подумать о том, чтобы при клубах и домах культуры выросли и прозябли себя кружки любителей музыки. (Кстати, композиторские союзы за весь период своего существования не посвятили музыкальной самодеятельности ни одного из своих пленумов — факт сам по себе достаточно красноречивый!).

И очень важно строго придерживаться критерия подлинной доступности при оценке исполняемых и издаваемых произведений. Не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь значительного собрания музыкантов, где не говорилось бы о либерализме в репертуарной и издательской практике. Этот либерализм проявляется и тогда, когда издаются и исполняются примитивные, пошлые произведения со ссылкой на их мнимую «популярность». Он сказывается и тогда, когда восхваляются произведения умозрительные, нарочито усложненной формы. А ведь требование доступности обязывает к строгому отбору таких произведений, которые бы последовательно развивали, воспитывали вкусы слушателей, приносили нечто новое и живое в наш концертный и бытовой обиход. Вероятно, издательствам следовало бы, не утрачивая своей инициативы, больше считаться с мнением музыкальной общественности, мнением слушателей, публикуя то, что находит живой и объективный отклик в массах.

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ в этой связи о самых общих недостатках значительной еще части исполняемых и издаваемых произведений, то надо отметить вялость музыкальных образов, тусклость, нежизненность мелодико-тематического материала. А ведь слушателей увлекают именно те произведения, мелодизм которых захватывает, согревает. Как остро и глубоко чувствовал это Прокофьев! Ссылаясь на то, что «в Советском Союзе с музыкой соприкасаются миллионные массы», Прокофьев говорил, что музыка «должна быть прежде всего мелодичной, при том мелодия — простой и понятной, не сбиваясь ни на перелевку, ни на тривиальный оборот». Замечательные слова — и о самом главном! Отсутствие мелодизма, его аморфность или искусственность не могут компенсировать ни ритмика, ни гармония, ни тембровая окраска, так как именно из мелодико-тематического зерна вырастают все остальные компоненты музыки. Оправдать «амелодизм» нельзя ни статическими теориями эволюции современной мелодики, снимающими ее основные признаки — простоту, глубину, понятность, распевность, ни подменой мелодического начала мелкими мотивными образованиями, ни, наконец, пресловутой динамичностью и лаконизмом стиля, когда мелодия вообще растворяется в ритмических схемах. Прокофьев и Мясковский достигли в своих последних симфониях желанной цели — мелодизма высокого и простого, понятного миллионам. И чем ярче будет разгораться пламя мелодизма в нашей музыке, тем выше будут ее взлеты, тем большее признание получит она в народе!

Я вспоминаю, как на одном из концертов, состоявшемся во время последнего пленума правления Союза композиторов, две молодые работницы спросили меня, верны ли их впечатления от прослушанной музыки. В частности, они остались равнодушными к фортепьянному концерту Б. Тищенко и за это выслушали немало упреков от сидевших рядом профессиональных музыкантов. Мне думается, что простая человеческая музыкальность подсказала слушательницам правильные оценки. Меня тоже смутил и не обрадовал концерт Б. Тищенко.

ДОСТУПНОСТЬ МАССОВОЙ музыки как бы предопределяется самим ее названием. Но нельзя признать доступной музыку хотя и специально написанную для массовых коллективов — хоров, ансамблей, оркестров народных и духовых инструментов, для десятков и сотен тысяч исполнителей,

но музыку банальную, заштампованную и просто скучную. Такая музыка «доступна» только своей примитивностью.

Приток свежих талантливых композиторских сил в этих жанрах почти неощутим, а сама сфера массовой инструментальной и хоровой музыки давно находится вне деятельного внимания союзов композиторов и министерств культуры. А какие увлекательные перспективы открывает творчество для народных коллективов, каким опытом обогатились бы композиторы в содружестве с ними, сколько нового, самобытного могла бы принести эта дружба!

Но штамп и банальность — еще не самое горькое, что бывает подчас в массовой музыке. Хуже то, что русская классическая песня — гордость нашего и мирового искусства — довольно активно вытесняется песенной «лирикой» отнюдь не лучших образцов, часто лишенной гражданского содержания. Здесь есть над чем задуматься прежде всего русским народным хорам и исполнителям-солистам, когда они предпочитают подчас поверхностный, «кассовый» эстрадный репертуар классике или пропагандируют, почти как правило, схематичные, школьные обработки песен, забывая о подлинном звучании народной песни. Тут есть о чем подумать и композиторам, сторонящимся русско-песенной классики как явления якобы архаичного, имеющего только исторический интерес. Рано хоронить русскую песенную классику, не стоит сдавать в архив живые и непреходящие ценности нашей культуры! Пригодилось же нам житье в эпоху русской песенности и Прокофьеву в его «Каменном цветке» и «Повести о настоящем человеке», и Шостаковичу в Одиннадцатой и Двенадцатой симфониях. И сколько их еще — талантливых, любящих род-

ное песенное искусство композиторов способна обогатить русская песня, созданная народом и

могущая жить в нем века!
НЕТ БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ цели у музыки, чем воспеть красоту нашей жизни, величие советского человека — строителя коммунизма. И если говорить о поисках образа, который привлекал бы миллионы людей как пример жизненного подвига, об образе человека, в характере и поведении которого отразилась бы вся революционная эпоха, в полной мере воплотились бы черты настоящего коммуниста, то это образ Владимира Ильича Ленина. За последние годы созданы новые произведения, где воплощается образ Ленина. В литературе это превосходная повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь». В музыке — Двенадцатая симфония Д. Шостаковича, «Патетическая оратория» Г. Свиридова, оперы «Октябрь» В. Мурадели и «Иван Шадрин» В. Дехтярева, песни А. Холминова. Однако эти и другие музыкальные произведения — только проба сил, образ Ленина еще ждет своего воплощения в музыке. Работа над ленинской темой требует от композиторов всего их таланта, негаснущего вдохновения, высочайшей ответственности, всеобъемлющих знаний. Такое произведение должно быть доступным, особенно понятным для любого слушателя, для миллионов людей на всей земле, неся в себе глубочайшее идейное содержание.

МУЗЫКА призвана все активнее отражать образы современности, черты человека ленинского типа. Все мы — и музыканты, и слушатели — с нетерпением ожидаем наступления нового этапа в постижении нашим искусством революционной действительности — этапа, открывающего огромные и новые перспективы перед музыкой, обращающейся к миллионам и сопровождающей наше победное движение к коммунизму.

С. АКСЮК.